

УДК 82.09:821.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-511-519

Концептосфера лирики мордовского поэта Марии Ерëминой

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию современной мордовской женской лирики в аспекте концептосферы текста. Предметом исследования являются специфика реализации универсальных понятий и их функции в стихотворениях эрзянского поэта Марии Ерëминой.

Цель: выявить концепты в лирике М. Ерëминой, раскрыть способы их индивидуально-авторской репрезентации.

Материалы исследования: стихотворения М. Ерëминой, включённые в сборник «Шка» («Время»).

Результаты и научная новизна. Лирика М. Ерëминой впервые анализируется в аспекте выбранной проблемы, а её сборник «Шка» («Время») вводится в аналитический контекст финно-угорского литературоведения. Внимание акцентировано на системе универсальных концептов, посредством которых имплицитно индивидуально-авторская модель мира, передаются аксиологические приоритеты поэта, его размышления онтологического содержания. Отмечается, что поэт апеллирует к ряду эстетических универсалий, семантическое поле которых расширяется контекстуальными синонимами: *время* (бесконечность, движение), *счастье* (поиск, борьба, преодоление), *любовь* (тепло / холод, вчера / сегодня, взгляд, пустые слова, завядшие цветы), *одиночество* (судьба, пустота, ложь, сажа, пепел). В лирике М. Ерëминой концепты находят как традиционную трактовку, так и индивидуально-авторскую интерпретацию, в тексте реализуются посредством классических образно-метафорических рядов и оригинальных средств образности.

Ключевые слова: мордовская женская поэзия, Мария Ерëмина, лирическая героиня, концепт, концептосфера, авторская модель мира

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Концептосфера лирики мордовского поэта Марии Ерëминой // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 511–519.

Conceptual sphere of Maria Eremina's lyrics

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of modern Mordovian women's lyrics in the aspect of the conceptual sphere of the text. The subject of the study is the specific implementation of universal concepts and their functions in the poems of the Erzya poet Maria Eremina.

Objective: to identify the concepts in M. Eremina's lyrics; to reveal ways of their individual author's representation.

Research materials: poems by M. Eremina of the collection "Shka" ("Time").

Results and novelty of the research: M. Eremina's lyrics are analyzed for the first time in the aspect of the chosen problem, and her collection "Shka" ("Time") is introduced into the analytical context of Finno-Ugric literary criticism. Attention is focused on the system of universal concepts, through which the individual author's model of the world is implied. The poet's axiological priorities and her thoughts of ontological content are conveyed. It is noted that the poet appeals to a number of aesthetic universals, the semantic field of which is expanded by contextual synonyms: *time* (infinity, movement), *happiness* (search, struggle, overcoming), *love* (heat / cold, yesterday / today, look, empty words, withered flowers), *loneliness* (fate, emptiness, lies, soot, ash). In the lyrics of M. Eremina the concepts find both a traditional interpretation and an individual author's interpretation. In the text they are realized through classical figurative and metaphorical series and original means of imagery.

Key words: Mordovian women's poetry, Maria Eremina, lyrical heroine, concept, conceptual sphere, author's model of the world

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova S. V. Conceptual sphere of Maria Eremina's lyrics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (3/58): 511–519.

Введение

Исследование концептосферы художественного текста является одним из продуктивных направлений отечественного литературоведения, о чём свидетельствуют работы Т. И. Васильевой [4], И. С. Грациановой [6], Т. С. Мясниковой [12], Н. С. Степановой [15], И. Ю. Тимофеевой [16] и др., в которых объектом научной рефлексии становится литература отдельного периода или направления, а также Э. В. Бабарыковой [3], Т. В. Медведевой [11], А. Н. Семёнова [14], Н. А. Чернявской [17], К. В. Шмугуровой [18] и др., посвящённые изучению интерпретации концепта в творчестве конкретного автора. В современной науке разработана теория изучения концепта как «сложного и многомерного феномена» [12, 8], интерпретируемого «единицей творческого мышления автора и важным структурно-смысловым элементом созданной им художественной картины мира» [3, 2], «ментально-ассоциативной структурой» [18, 9], эстетической константой, «аккумулирующей универсальный и личный опыт писателя, его мировидение и систему ценностей» [17, 87], обуславливающей особенности его индивидуального стиля, воссоздающей процесс самопознания героя, углубляющей символическое содержание произведения. Бесспорно и то, что концепт позволяет выявить «непреодолимые истины бытия, проникнуть в мир “человеческой субъективности”», подводит к осмыслению онтологических проблем, вопросов диалектики мира и ценности человеческой жизни» [2, 7].

В финно-угорском литературоведении сложился определённый опыт осмысления концептов и образуемых ими концептосфер, что подтверждается работами Ю. Г. Антонова, С. В. Шеяновой [1; 2], Е. В. Косинцевой [8; 9], Р. А. Кудрявцевой [10], А. Н. Семёнова [13]. Однако обозначенная научная проблема нуждается в дальнейшей разработке, что обусловлено динамикой литературного процесса.

Актуальность статьи определяется тем, что вопросы концептосферы художественного текста на материале мордовской женской поэзии до настоящего времени не являлись предметом специального исследования. Между тем их решение позволит раскрыть функционально-содержательное поле наделённых особой эстетической нагрузкой универсальных понятий в структуре «женского» текста, установить смысловые парадигмы концептосферы национальной литературы в целом. Также важно проследить воплощение культурных универсалий в

лирике авторов-женщин, их роль в отражении феминной идентичности, природы женской ментальности, выявить семантические составляющие концептов, способы концептуализации понятий в женском творчестве, что приблизит к раскрытию феномена «женского письма», специфики гендерных репрезентаций.

Лирические произведения эрзянского автора М. Ерёминой не становились объектом анализа в аспекте рассматриваемой проблемы. Вместе с тем в них наблюдается система концептов, способы реализации которых свидетельствуют о самотытности индивидуально-авторской картины мира, уникальной мирореальности поэта. Высказанные в работе умозаключения, не претендуя на завершенность, нуждаются в дальнейшей конкретизации, изучении. Перспективным представляется исследование ключевых констант в творчестве других мордовских поэтов-женщин, что позволит представить картину динамики художественной концептосферы национального текста, расширит представления о социокультурной обстановке в республике. В процессе научной рефлексии проблемы может быть воспринят аналитический опыт зарубежных учёных, осмысливающих теорию концепта в философском, культурологическом [22], психолингвистическом [20, 21], литературоведческом [19; 23] аспектах.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихотворения М. Ерёминой, включённые в сборник «Шка» («Время») (2023).

В работе использованы такие методы литературоведческого анализа как структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста, а также интерпретационный и гендерный подходы.

Результаты

Как открытая и динамичная система, мордовская женская поэзия начала XXI в. активно развивается. Она обогащается новыми проблемно-тематическими кластерами, мотивными комплексами, образными структурами, оригинальными синтетическими средствами образности; использует иные приёмы отражения женского мироощущения, репрезентации гендерной картины мира. Всё больше заявляют о себе поэты так называемой «новой волны» – Л. Рябова, А. Подгорнова, М. Слугина, Т. Мокшанова, М. Аникина, М. Агеева, В. Брындина и др. В 2023 г. с поэтической книгой «Шка» («Время») [7] выступила М. Ерёмина.

Тематические предпочтения книги заявлены в её символическом названии. Категория времени, рождающая разнообразные интерпретации, ассоциации, аллюзии, у М. Ерёминой становится значимым элементом авторской философии жизни, ключевым понятием, отражающим художественную мирореальность поэта, эстетической универсалией, обладающей определённой модальностью, символической нагрузкой. В индивидуально-творческой картине М. Ерёминой время – онтологическая и аксиологическая константа, обуславливающая бытие человека, являющаяся для него высшей ценностью, о чём заявлено в аннотации к книге: «Время... Его торопишь и еле догоняешь, подталкиваешь и удерживаешь. Его ждёшь и веришь: вот оно, сейчас, сейчас... Ещё немного и... А оно – уходит. Унося всё, что в нём было. Поэтому – невзирая, вопреки, несмотря – будем его ценить...» [7, 2].

Исследователи отмечают способность базового концепта «трансформироваться в различных произведениях, получая дополнительные смыслы и ассоциации» [5, 60]. В лирике М. Ерёминой время предстаёт в разных ипостасях: как бесконечное движение; прошлое со светлыми воспоминаниями о детстве, близких людях; как противоречивое настоящее. В стихотворении «Чиить читне...» («Бегут дни...») [7, 37] время обозначает непрерывное движение жизни, что передаётся посредством глаголов: «*чиить читне*» ‘бегут дни’¹, «*уить ковтне*» ‘плывут месяцы», «*ливтить иетне*» ‘летят годы’. Акцентируя цикличные временные отрезки, поэт транслирует онтологическую мысль о ценности жизни, состоящей из дней, месяцев, лет. В тексте наблюдаются как традиционная реализация концептуального образного ряда (быстро сменяющиеся дни, месяцы, годы передают ощущение движения, изменчивости и одновременно бесконечности бытия), так и авторское ощущение значимости времени для человека, переданное оригинальной метафорой «*Сюдотано сынст, ды минсь инатано, / Сын а лоткавтовить – пейдть, авардть*» ‘Проклинаем их, и сами хвалим, / Их не остановить – смейся, плачь’. Таким образом через временной дискурс автор имплицитно высказывает важнейшие онтологические, аксиологические смыслы.

В стихотворении «Сэтьме-сэтьме...» («Тихо-тихо...») [7, 76] время подвижно, героиня перемещается из настоящего в прошлое. Оно передаётся посредством образных рядов тишины, облаков, белых берёз, листвы под ногами,

родительского дома, матери, её рук, отца. Время формирует хронотоп текста. Окружающее героиню пространство («*Сэтьме-сэтьме. Нармунть ливтить, / Уить менель-иневедьганть. / ...Ютан килейтнень юткова... / Прыть лопатне пильгень алов*» ‘Тихо-тихо. Птицы летают, / Пльвуют по небу-океану. / ...Хожу между берёзками... / Падают листья под ноги’) транслирует идею гармоничного сосуществования человека и природы. Воссозданная в её сознании ретроспективная элегическая картина утверждается как авторская модель мироздания: доминирует естественное начало, природная среда, человек живёт в окружении близких людей, делит с ними «радости-горести». От света, тепла родного дома, матери и отца, деревенской тишины героиню отделяют «время и ветер», получающие отрицательную коннотацию как символы разлуки. Сопоставление этих образов призвано выполнить в тексте эстетическую функцию, при этом концепт *время* наделяется смысловой множественностью.

В стихотворении «Меельце валось сезевсь вармань вийсэ...» («Последнее слово сорвано ветром...») [7, 77] прошлое и настоящее перебегаются, усугубляя драматизм настоящего, объективируя субъективное лирическое переживание. Прошлое передаётся посредством традиционного образа белых берёзок, символизирующих молодость, радость, позитивное восприятие жизни: «*Од пингеть марто зардобути вейсэ / Чийнить перькаст, симить ламбамо ведест*» ‘Когда-то с молодостью вместе / Ты бегал вокруг них,пил сладкий их сок’. Отражающие настоящее «опустевший дом с забитыми досками окнами», «покидающий его хозяин», «сиротой свой век доживающее село» вызывают негативные эмоции у читателя. Осознание невозможности остановить процесс вымирания деревни терзает героиню («*седеесь апародонтъ пицезь пици*» ‘в сердце от досады жжёт’), её речь превращается в плач («*меельце валось прок лайшема лиси*» ‘последнее слово словно плач’). В данном случае концепт *время* полифункционален – раскрывает эмоционально-психологическое состояние героини, объективирует реалии действительности, имплицитно высказывает проблемы национально-общественного характера.

В произведениях М. Ерёминой кроме универсалии *время* наблюдаются сквозные концепты *счастье, любовь, одиночество*, обрастающие множеством дополнительных ассоциаций.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи – С.Ш.

В стихотворениях «Мон саласа уцяскам, саласа...» («Я украду своё счастье, украду...»), «Су-вось вельгизе седеем...» («Туман окутал моё сердце...»), «Телень ве...» («Зимняя ночь...»), «Мон таго учан...» («Я опять жду...»), «Чилисеманть арты цёков морось...» («Восход окрасит песня соловья...») концептуальный характер приобретает лексема *счастье*. В литературоведении сложилось мнение о консервативности семантики понятия *счастье* как полноты бытия, обусловленной его «универсальностью, <...> базовым аксиологическим характером и малоподвижным, устойчивым содержанием» [4, 317]. В лирике М. Ерёминой этот концепт приобретает оригинальное смысловое наполнение, образно-метафорическое воплощение. Счастье в поэтическом мире автора – это поиск, ожидание, борьба, противостояние, преодоление, приобретение внутренней силы. Не зря она определяет его вкус как «ламбамо-салов» ‘сладко-солёный’. В стихотворении «Туман окутал моё сердце...» [7, 6] счастье интерпретируется как борьба, преодоление слабостей человеческой натуры («Мон ёминь... ёминь... / Оймезэнь коцькерить псакат. / Нили кежень отьмась. Ломань / Вальнзетов кежтнень – лакаст!») ‘Я пропала... пропала... / В душе кошки скребут. / Поглощает омут зла. Человек / Подпил туда злобы – чтобы кипела!’). Героиня хочет бороться, изжить свои недостатки, осознавая, что только такой путь позволит ей «лисемс манчемань вестэнтъ» ‘выйти из ночи лжи’, «чинть пелев модемс» ‘пойти в сторону дня’. Поэтому она молит Бога (Верепаз) «дать ей сил не бояться», крепкие крылья «улететь отсюда», «зажечь звезду» – осветить ей путь в тумане. Анализируемый концепт в данном тексте получает духовную и этическую нагрузку, раскрывает нравственные предпочтения героини – быть сильнее, добрее, мудрее, научиться не отвечать злом на зло.

Трактовка *счастья* как борьбы, приобретения внутренней гармонии реализована и в стихотворении «Вийтемекс улемс монь а саты вием...» («Быть слабой у меня нет сил...») [7, 10]. Заявленная в первой строке смелая манифестация героини находит раскрытие на протяжении всего лирического сюжета. Она противостояит внешним негативным обстоятельствам, умеет защитить себя от них («Ливтить апарот – седейс кенкитть пекстан» ‘Летят беды – закрываю в сердце двери’). Её состояние не коррелирует с традиционными пейзажными ассоциациями, она не испытывает депрессивных настроений от «сёксень пужось цецят» ‘увядших осенних цветов’, «певерезь лопат» ‘опавших листьев’,

как практичная женщина, она быстро смекает, как можно использовать «белый снег» – «ашо ловсто эстенъ кумбат стан» ‘сшить из него ковры’. Её духовное очищение, внутреннее преобразование передаются посредством оригинальных образно-метафорических рядов: «Ванськавтса ойдем васень пурьгинесэ, / Авардемам менелесь авардьсы, / Ды солазь солан тешитень тиземесэ...» ‘Омою душу первым громом, / Мой плач небо выплачет, / И растаю под звёздным дождём...’. Тесная сопричастность героини с явлениями природы отражает этническое представление о синкретизме человека и окружающей среды. Персонификация архетипа *менель* ‘небо’ сакрализует символ, представляет его как живую сущность, способную изменить жизненные обстоятельства героини, перенять её боль, выплакать её слёзы. *Пурьгине* ‘гром’ в мифологии эрзян выражает идею верховенства, присутствия божественного начала. В данном тексте метафоризация архетипов, ассоциируемых с небом, интуитивно подводит автора к импликации национальной космологической картины мира.

В стихотворении «Я украду своё счастье, украду...» [7, 5] акцентирован поиск счастья, посредством чего лирическая героиня обретает внутреннюю целостность, психологическую стабильность. Смысл её жизни заключается в неустанном стремлении к счастью, желании бороться за него и оберегать, что вербально передаётся глаголами *саласа* ‘украду’, *а максса* ‘не отдам’, *а нолдаса* ‘не упущу’, *ванстса* ‘сохраню’. Решительность, твёрдость духа героини усиливает анафора: «Мон саласа уцяскам, саласа, / Саласа кемень панжоме экиштэ. / Мон а максса уцяскам, а максса, / А нолдаса почтокс варма мельга» ‘Я украду своё счастье, украду, / Украду из-под десяти замков. / Я не отдам своё счастье, не отдам, / Не развею мукой по ветру’. Эмоциональной кульминацией произведения является метафора «Чова чевнетъ мон седейстэнь лаксян – / Валдонь сравомс уцяскам икельга» ‘Тонкую лучину вырежу из сердца – / Свет расстелить перед моим счастьем’, передающая жертвенность героини, её служение счастьем. В концепте автор синтезирует идею самореализации героини («Монсь содаса, зяро сонзэ кастынь, / Монсь содаса, зяро максынь тензэ» ‘Сама знаю, как его растила, / Сама знаю, сколько отдала ему’) и её мечты («Ансяк монень ней панжсы танстензэ» ‘Только мне теперь раскроет свой вкус’). Творческая интерпретация счастья как постоянного поиска, достижения

мечты, возможности самореализации героини, проявления её жертвенности и, одновременно, решительности свидетельствует о сложной структурно-семантической природе концепта, стремлении эрзянского поэта расширить символический смысл понятия.

В стихотворении «Восход окрасит песня соловья...» [7, 20] концепт *счастье* равноценен понятию жизнь, вербализован в традиционных образных конструктах с положительной семантикой «*лембест казить седейтне*» ‘тепло дарят сердца’, «*цёков моро*» ‘песня соловья’, «*тешиттне васолдонь васолот*» ‘далёкие-далёкие звёзды’. В первой строфе счастье воспринимается как сила, гармонизирующая бытие, что передаётся посредством элегической метафоры: «*Чилисеманть арты цёков морось, / Эсест лембест казить седейтне... / Менель тешиттне васолот, / Чатьмонция вень кунсолыйтне*» ‘Восход окрасит песня соловья, / Своё тепло дарят сердца... / Звёзды на небе далёкие-далёкие, / Безмолвные слушатели ночи’. Однако в человеческой жизни не всё так совершенно. Перелом в сознании героини транслируется строкой «*Канды чись уцяскадонть коморо*» ‘Принесёт день горсточку счастья’. Созерцание уступает место познанию истины: «*Содак, тингесь а цёковонь моро, / Сезевсь – а поладсызь ля гайтть*» ‘Знай, жизнь не песня соловьиная, / Прервалась – не заменят другие звуки’. Концепт *счастье* с семантикой *жизнь* воспринимается автором как ключевой в традиционной иерархии ценностей.

В мордовской литературе последних десятилетий «ситуация одиночества становится одной из художественных моделей взаимоотношений героя с миром» [2, 8]. Наиболее тонко, психологически убедительно ситуация раскрывается именно в лирике, обладающей специальным инструментарием импликации человеческих интенций и состояний. В произведениях М. Ерёмовой *одиночество* определяется как экзистенциальная категория, концепт получает негативную коннотацию. Героиня испытывает физическое («*Истя Пазось мерсь тензэ...*») («Так Бог сказал ей...»), («*Меельцеде мартог вейсэ...*») («В последний раз с тобой...») и эмоциональное одиночество («*Ашо ловось артсы оймем содсо...*») («Белый снег окрасит мою душу сажей...»), («*Мон туян васов-васов*») («Я уйду далеко-далеко»), («*Зярдю оймесэть чопода-чопода...*») («Когда в душе темно-темно...»), («*Монь оймем чаво...*») («Душа моя пуста...»). Наряду с традиционно-поэтическими образами, ассоциативно

передающими состояние одиночества («*пекстазь кенки*») ‘закрытая дверь’, («*чаво ве*») ‘пустая ночь’, («*сёксень цецят*») ‘осенние цветы’, («*ютазь шика*») ‘прошлое’, («*пешксе ков*») ‘полный месяц’), автор использует лексемы и словосочетания, связь которых с концептом контекстуальна: («*салов кевть*») ‘солёные камни’, («*сод*») ‘сажа’, («*кулов*») ‘пепел’, («*пежеттеме пежеть*») ‘грешные без греха’, («*мон – сулей*») ‘я – тень’ и др.

В стихотворении «В последний раз с тобой...» [7, 34] представлен обобщённый образ возлюбленного, не являющегося активным действующим лицом, не наделённого субъективными чертами, раскрывающегося в оригинальном проявлении – молчании, что символически передаёт напряжение и противоречия в отношениях пары. Вопросительная конструкция «*малавиксэм, ёвтэк монень: чумом мейсэ?*» ‘родной, скажи мне: в чём моя вина?’ свидетельствует о привязанности лирической героини к «Нему», её глубококом искреннем чувстве. Инициированная ею коммуникация позволяет раскрыть полярные позиции героев – если она открыта к диалогу («*Марить валон чоподасонть, / Кемть сынест, сынь весе видеть...*») ‘Услышь мои слова во тьме, / Верь им, они правдивы...’), то адресат молчит, что символизирует суть одиночества. Невозможность найти точки соприкосновения («*Туят тон керш ёнов, витев / Ней велявтан мон тонь эйтэ*») ‘Ты пойдёшь налево, направо / Теперь я отвернусь от тебя’) замыкает пространство одиночества героини, обуславливает безвыходность её положения экзистенции.

В стихотворении «Так Бог сказал ей...» [7, 18] одиночество героини предназначено свыше, транслируется словами Всевышнего: («*Эрма ськамонт тонеть тесэ*») ‘Жить тебе здесь одной’. Традиционное соотношение концептов одиночество и Бог вызывает семантические ассоциативные связи с лексемой «судьба». Эмоционально-смысловое содержание текста структурируется мотивом переживания одиночества как личной драмы, скрываемой от окружающих. Строка «*Ды чаво, течис чаво везэ*» ‘И пуста, до сих пор пуста её ночь’ усиливает ощущение экзистенциальной неполноты жизни героини. Обращает на себя внимание особая образная организация произведения. Сопоставление одинокой героини с «*ашо килейне кузонь вирьсэ*» ‘белой берёзкой в сосновом лесу’ носит традиционный характер, а в метафоре («*Пешкедсь оймесэ салов кевде, / Ськамочись копачизе варсейксэ*») ‘Наполнилась душа солёными камнями, / Одиночество

накрыло вороном') видится индивидуально-авторское своеобразие. Прочитанная семантическая конструкция не только придаёт тексту ярко выраженную эмоциональную окраску, но и позволяет метафорически имплицировать экзистенциальный смысл одиночества. Одиночество – экзистенциальная категория, выхода из этой ситуации у героини нет, эта мысль имплицирована автором посредством прочитанной метафоры.

В стихотворении «Я уйду далеко-далеко» [7, 23] *одиночество* передаётся посредством образа сажи. Авторская интерпретация сажи не вполне соотносится с народным её восприятием, поэтому её сложно связать с национальной семантикой душевной дисгармонии. Героиня готова изменить свою жизнь: «*шляса пурна-возь содонть*» 'смыть накопившуюся сажу', «*шлязь ойдем келемтьса*» 'распахнуть отмытую душу'. Однако ей не удаётся перебороть внутренние преграды, очиститься, она признаётся, что «*таго ойдем содсо вадьса*» 'снова измажет душу сажей'. Особую смысловую значимость в тексте имеет лексема «глаза», посредством которой передаются эмоционально-психологическое состояние героини («*одс вармась костясынзе сельмень*» 'снова ветер высушит мне глаза') и её отношение к возлюбленному («*лия сельмэ вариштан лангозот*» 'другими глазами взгляну на тебя'). Семантическая конструкция «*туянь тов, косо менелесь палси моданть*» 'уйду туда, где небо целует землю' имплицитно выражает состояние отчуждения героини от окружающих, метафора «*ды ютан секе ветненъ пачк*» 'и вновь пройду сквозь эти же ночи указывает на повторяемость её действий – она не раз уходила, но вновь возвращалась. Пытаясь «разорвать пути», героиня совершает иррациональные поступки, она словно ходит по замкнутому кругу («*сан тей одс ды одс*» 'прихожу сюда снова и снова'), не получая понимания, тепла, любви. В данном стихотворении номинант концепта *одиночество* не передаётся вербально, а посредством ассоциативно-образных и символических форм.

Такой же подход наблюдается в стихотворении «Когда в душе темно-темно...» [7, 11], в котором содержится целый ряд текстовых единиц, тематически и референтно связанных с концептом *одиночество*: «*зырдо даволтнэ цецятненъ сезнить*» 'когда ураганы рвут цветы', «*зырдо менелесь куловсо почоды*» 'когда небо осыпает пеплом', «*тундось поты*» 'весна отступает', «*пекстазь таркасо седеесь кельми*» 'в закрытом

месте сердце остывает'. Лексемы *чатъмони* 'молчит', *а чарькоди* 'не понимает', *а веини* 'не ищет' свидетельствуют о закрытости, некоммуникабельности героини, что усугубляет её положение. Образ золы здесь трансформирован в пепел, который не только символизирует невозможность взаимопонимания («*кие чумось – а тосто свал веинить*» 'кто виноват – не там всегда ищут'), но и воспринимается некой высшей субстанцией (осыпается с неба), определяющей людские судьбы. Метафора «*оймесэнтъ чопода-чопода*» 'в душе темным-темно' символизирует необратимые процессы в эмоционально-психологическом состоянии героини под воздействием внешних обстоятельств и жизненных условий, которые в тексте переданы посредством ассоциативно-метафорических, образных конструктов.

Любовь в лирике М. Ерёминой представлена в двух ипостасях – взаимная любовь-счастье и любовь-несчастье. В стихотворениях «Валдо кемемам пандтнезь раужосо...» («Светлая вера заштопана чёрным...»), «А чарькодемат, стяконь кевкстемат...» («Непонимание, пустые вопросы...»), «Ансяк исяк ульнить допрок лия...» («Только вчера ты был другим...») сущность любви интерпретируется посредством оппозиций вчера / сегодня, правда / ложь, светлое / чёрное, тепло / холод. Для передачи несчастной любви используются как традиционные образные ряды концептов («*аволь кемель – сивсь вечкеманъ недесь*» 'не крепкая – сломалась ось любви', «*чаво менелесь веинян сырненъ тештем*» 'в пустом небе ищу золотую звезду', «*оласть вечкемась, соласть кемемась*» 'выцвела любовь, растаяла вера', «*чополгадсь валдось, кеняркось ёмась*» 'потемнел свет, радость исчезла', «*порксавсь седеесь, уцяскась валовсь*» 'разбилось сердце, счастье разлилось'), так и индивидуально-авторские («*монь сюпавчим – чалгсезь цецят удало*» 'моё богатство – за твоими затоптанными цветами', «*сувтнян вийть – васонькоморнэ – вечкемс*» 'просеиваю силы – с ладошку – чтоб любить', «*чатъмонемасть – эрькентъ ланга эй*» 'молчание – лёд на реке', «*явомась кельме парсейкс сравтось*» 'расставание холодной парчой растелилось'). Имплицитными составляющими концепта неразделенная любовь становятся «*чаво валт*» 'пустые слова', «*чалгазь цецят*» 'затоптанные цветы', «*кельме*» 'холод', «*чалгазь ойме*» 'растоптанная душа'.

В стихотворениях «Пульзян икелеть...» («Преклонюсь пред тобой...»), «Иля учо эйсэнь, мон а сан...» («Не жди меня, я не приду...»),

«Ды а ули истя зярдояк...» («И не будет так никогда...»), «Тон яла кевкстнят эйсэнь...» («Ты все спрашиваешь меня...») раскрывается ситуация разрыва отношений по инициативе женщины. С утратой любви героиня стихотворения «Не жди меня, я не приду...» [7, 70] не ужесточается, не испытывает ненависть к бывшему возлюбленному, более того, она признаётся, что он «*кадоват монь мельсэ*» ‘останется в её памяти’. Мотивы расставания пары в тексте не эксплицированы, в подтексте прослеживается мотив неверности, измены со стороны мужчины, поскольку героиня испытывает эмоциональный стресс, что передаётся метафорой «*сельведтнесэ ледстнеман салтан*» ‘воспоминания мариную слезами’. Она сумела «*кеме мода лангс чалган яном*» ‘направить свою тропинку на надёжную землю’ (о другом мужчине, верном, ответственном). Невозможность восстановления отношений имплицирована первой строкой текста, а также традиционными в поэтической картине автора цветами («*пельдеть цецянь пусмось куро кужу*» ‘букет цветов от тебя скоро завянет’, «*эсень видеветь цецятненъ кастан*» ‘выращу свои цветы’).

В стихотворениях «Эрямот пачка ливтян тештень валдокс...» («Сквозь жизнь твою пролечу светом звёзд...»), «Иля кевкстне эйсэнь...» («Не спрашивай меня...»), «Лембе валсот вельтасак монь оном...» («Тёплым словом укроешь мой сон...»), «Эрян вейке вановтот кисэ...» («Живу ради одного твоего взгляда...»), «А ськамон» («Не одна»), «Молян икелев, молян тонь пелев...» («Иду вперёд, иду к тебе...») концепт *любовь* содержит положительную коннотацию, его контекстуальными синонимами становятся лексемы *счастье, тепло, взгляд, свет*. Взаимная любовь – глубокое духовное чувство, обогащающее, спасающее человека, меняющее его мировосприятие. Душевная гармония героини передаётся посредством традиционных пейзажных образных конструкций: «*Варминесь моры нурсема морот, / Састыне прыця лопат кутмори. / Венстясьть кедеть, вастат монь эйсэ – / Сёксень читнева мольтяно вейсэ*» ‘Ветер поёт колыбельные песни, / Тихо падающие листья обнимает. / Протянешь руки, встречаешь меня – / В осенних днях идём вместе’ [7, 67]. Любовь – Божий дар – осмысливается антиподом страсти, поэтому в текстах нет вербально переданных ощущений от прикосновений, тактильного контакта влюблённых. В метафорических образных рядах доминируют словосочетания с лексемами *взгляд, глаза* («*эрян вейке вано-*

вотот кисэ» ‘живу ради одного твоего взгляда’, «*вановтот валы оймезэнь кизэ*» ‘твой взгляд вливает мне в душу лето’, «*ледстяса тон вановтот течи валске*» ‘вспомню твой взгляд сегодня утром’, «*одс ды одс чопавтовлинь сельмезэть*» ‘снова и снова хочу окунуться в твои глаза’), *дыхание* («*тонь эйсэ лексян*» ‘дышу тобою’). Таким образом передаётся глубина проявления любви – самого сильного человеческого чувства.

Обсуждение и заключение

В произведениях М. Ерёминой ключевыми универсальными константами являются *время, счастье, любовь, одиночество*. Концепты отражают своеобразие мировоззрения поэта, специфику индивидуально-авторского стиля. Контекстуальные семантические ряды универсалий обусловлены ценностными предпочтениями автора, особенностями его мироощущения, эмоционально-психологическим состоянием. Для их реализации М. Ерёминина использует как традиционные образно-ассоциативные структуры и символично-метафорические конструкции, так и оригинальные средства образности.

Категория времени в лирике поэта наделяется смысловой множественностью, обладает аксиологической семантикой, отражает индивидуально-авторскую интерпретацию глубоких онтологических понятий. Составляющие концепта (движение, бесконечность, прошлое, настоящее) получают неоднородную коннотацию: прошлое контекстуально соотносится с топосами родного дома, детства, лексемами *добро, тепло, настоящее* передаётся посредством драматического мотива вымирания деревни, разрушения традиционного культурного кода.

Семантически самым «либеральным» концептом, несоотносимым с традиционной его трактовкой как полноты бытия, наполняемым новым смысловым содержанием, в поэзии М. Ерёминой является счастье. Синонимами счастья в её художественной мирореальности становятся лексемы *поиск, ожидание, борьба* (преодоление). Авторская модель счастья отличается сложной структурно-семантической природой, воспринимается динамичной категорией, оформляющейся в концепт *жизнь*. Такая интерпретация счастья свидетельствует о его значимости в традиционной системе общечеловеческих ценностей.

Универсалия любовь в произведениях М. Ерёминой имеет разную эмоциональную окраску:

любовь-счастье и любовь-несчастье. Концептуальными признаками взаимной любви становятся духовное проявление чувства, его преобразующая, животворящая сила. Переживая любовь-несчастье, героиня испытывает глубокое эмоциональное потрясение, но находит возможность разорвать деструктивные отношения. Автор деликатно обходит причину расставания пары, позволяя читателю домыслить пропущенные фрагменты лирического сюжета. Семантически концепт соотносится с лексемами холод, ложь, букет увядших / растоптанных цветов.

Концепт *одиночество* в лирике М. Ерёмной позволяет передать трагическое мироощущение современника, раскрыть мир человеческой субъективности, аккумулирует сложные онтологические вопросы. В ряде текстов он вербально не эксплицируется, передаётся посредством образно-метафорических конструкций и лексем *пустота, закрытая дверь, сажа, пепел* и др. Соотношение с константой судьба усложняет семантическое поле концепта, фиксирует ситуацию одиночества как проявление экзистенциального сознания.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Концепт «дом» как способ нравственно-философского осмысления мира и человека в литературном дискурсе Мордовии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 96–100.
2. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Концепция одиночества в современной мордовской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 7–13.
3. Бабарыкова Э. В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. 225 с.
4. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
5. Гаврилов В. В. Концептосфера регионального текста (на материале лирики Ю. Шесталова) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (13). С. 57–65.
6. Грацианова И. С. Концептосфера и архетипическое пространство русской онтологической прозы последней четверти XX столетия: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 236 с.
7. Ерёмина М. Шка (Время). Саранск: Книга, 2023. 112 с.
8. Косинцева Е. В. Концепт «любовь» в лирике М. И. Новьихова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 672–678.
9. Косинцева Е. В. Концепт счастье в лирике С. С. Динисламовой (на материале книги «Моё тихое счастье») // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 445–451.
10. Кудрявцева Р. А. Концепт «долг» в марийском рассказе конца XX века // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1–2. С. 145–150.
11. Медведева Т. В. Ключевые концепты лирики А. С. Пушкина: лингвостилистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 196 с.
12. Мясникова Т. С. Концепт «старый дом» в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 179 с.
13. Семёнов А. Н. Концепт как категория в обско-угорской и русской литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 271–278.
14. Семёнов А. Н. Концептосфера лирики Андрея Тарханова. СПб.: Дорога жизни: Первый ИПХ, 2021. 319 с.
15. Степанова Н. С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2016. 396 с.
16. Тимофеева И. Ю. В поисках «счастья»: преломление традиционного концепта русской культуры в творчестве современных писателей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 3. С. 30–34.
17. Чернявская Н. А. Концептосфера художественного текста как отражение авторской модели мира (на материале лирики В. В. Набокова) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 71. С. 87–92.
18. Шмугурова К. В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира: на материале лирики И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 216 с.
19. Ashton J. Lyric, gender, and subjectivity in modern and contemporary women's poetry // The Cambridge History of American Women's Literature. Urbana-Champaign: University of Illinois Press, 2012. Pp. 515–538.
20. Fodor Jerry A. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford: Clarendon Press, 1998. 174 p.
21. Rasse C., Onysko A., Citron F. Conceptual Metaphors in Poetry Interpretation: a Psycholinguistic Approach // Language and Cognition. 2020. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 310–342.
22. Schober R. Network concepts. Transcending Boundaries: The Network Concept in Nineteenth-Century American Philosophy and Literature // American Literature. 2004. Vol. 86. Iss. 3. Pp. 1123–1135.
23. Tabrizi M. Concept of love in Oscar Wilde's. Erzurum: Ataturk University, 2014. 105 p.

References

1. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Kontsept "dom" kak sposob npravstvenno-filosofskogo osmysleniya mira i cheloveka v literaturnom diskurse Mordovii* [The concept "house" as a way of moral and philosophical understanding of the world and man in the literary discourse of Mordovia]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2015, no. 5, pp. 96–100. (In Russian)

2. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Koncepcija odinochestva v sovremennoj mordovskoj literature* [The concept of loneliness in modern Mordovian literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 445–451. (In Russian)
3. Babarykova Ye. V. *Kljuchevye koncepty poezii I. Annenskogo* [Key concepts of I. Annensky's poetry]. Yaroslavl, 2007. 225 p. (In Russian)
4. Vasilyeva T. I., Karpicheva N. L., Tsurkan V. V. *Antologija hudozhestvennyh konceptov russkoj literatury XX veka* [Anthology of artistic concepts of Russian literature of the XX century]. Moscow: Flinta Publ., 2013. 356 p. (In Russian)
5. Gavrilov V. V. *Konceptosfera regional'nogo teksta (na materiale liriki Ju. Shestalova)* [Conceptual sphere of the regional text (based on Yu. Shestalov's lyrics)]. *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2023, no. 1 (13), pp. 57–65. (In Russian)
6. Gratsianova I. S. *Konceptosfera i arhetipicheskoe prostranstvo russkoj ontologicheskoy prozy poslednej chetverti XX stoletija* [Conceptual sphere and archetypal space of Russian ontological prose of the last quarter of the XX century]. Krasnodar, 2004. 236 p. (In Russian)
7. Eremina M. *Shka* [Time]. Saransk: Kniga Publ., 2023. 112 p. (In Erzya)
8. Kosintseva E. V. *Koncept "ljubov" v lirike M. I. Nov'juhova* [The concept of love in the lyrics of M. I. Novjuchov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 672–678. (In Russian)
9. Kosintseva E. V. *Koncept schast'e v lirike S. S. Dinislamovoj (na materiale knigi "Mojo tihoe schast'e")* [The concept of happiness in the lyrics of S. S. Dinislamova (based on the material of the book "My Quiet Happiness")]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 445–451. (In Russian)
10. Kudryavtseva R. A. *Kontsept "dolg" v mariyskom rasskaze kontsa XX veka* [Concept "duty" in a Mari story of the late XX century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2009, no. 1–2, pp. 145–150. (In Russian)
11. Medvedeva T. V. *Kljuchevye koncepty liriki A. S. Pushkina: lingvostilisticheskij analiz* [Key concepts of A. S. Pushkin's lyrics: linguistic and stylistic analysis]. Samara, 2002. 196 p. (In Russian)
12. Myasnikova T. S. *Koncept "staryj dom" v russkoj literature XIX veka* [The concept of "old house" in Russian literature of the XIX century]. Tver, 2018. 179 p. (In Russian)
13. Semenov A. N. *Kontsept kak kategoriya v obsko-ugorskoj i russkoj literature* [Concept as a category in Ob-Ugric and Russian literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 271–278. (In Russian)
14. Semenov A. N. *Konceptosfera liriki Andrey Tarkhanova* [The conceptual sphere of Andrey Tarkhanov's lyrics]. Saint-Petersburg: Literaturnyy fond "Doroga zhizni": Pervyy IPKh Publ., 2021. 319 p. (In Russian)
15. Stepanova N. S. *Konceptosfera "put' zhizni" v avtobiograficheskoy proze pervoj volny russkoj jemigracii* [Conceptual sphere "way of life" in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration]. Moscow, 2016. 396 p. (In Russian)
16. Timofeeva I. Yu. *V poiskah "schast'ja": prelomlenie tradicionnogo koncepta russkoj kul'tury v tvorchestve sovremennyh pisatelej* [In search of "happiness": refracting the traditional concept of Russian culture in creativity of the modern writers] *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie* [Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice], 2021, no. 3, pp. 30–34. (In Russian)
17. Chernyavskaya N. A. *Konceptosfera hudozhestvennogo teksta kak otrazhenie avtorskoj modeli mira (na materiale liriki V. V. Nabokova)* [Conceptual sphere of artistic text as the reflection of the author's model of the world (on the material of lyric poetry of V. V. Nabokov)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara University Journals], 2009, no. 71, pp. 87–92. (In Russian)
18. Shmugurova K. V. *Koncepty toska i radost' v hudozhestvennoj kartine mira: na materiale liriki I. A. Bunina, F. Sologuba, I. F. Annenskogo* [Concepts of melancholy and joy in the artistic picture of the world: on the material of the lyrics of I. A. Bunin, F. Sologub, I. F. Annensky]. Novosibirsk, 2011. 216 p. (In Russian)
19. Ashton J. Lyric, gender, and subjectivity in modern and contemporary women's poetry. *The Cambridge History of American Women's Literature*. Urbana-Champaign: University of Illinois Press, 2012. Pp. 515–538. (In English)
20. Fodor Jerry A. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 174 p. (In English)
21. Rasse C., Onysko A., Citron F. Conceptual Metaphors in Poetry Interpretation: a Psycholinguistic Approach. *Language and Cognition*, 2020, no. 12 (2), pp. 310–342. (In English)
22. Schober R. Network concepts. Transcending Boundaries: The Network Concept in Nineteenth-Century American Philosophy and Literature. *American Literature*, 2004, no. 86 (3), pp. 1123–1135. (In English)
23. Tabrizi M. *Concept of love in Oscar Wilde's*. Erzurum: Ataturk University, 2014. 105 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410